

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
о диссертации **М. А. Ширинкиной**
«Письменный дискурс исполнительной власти
в жанрово-стилистическом аспекте» (Пермь, 2021),
представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук
по специальности 10.02.01 — русский язык

Обаяние науки как рода человеческой деятельности особенно отчетливо ощущается в тех случаях, когда сам по себе объект ученых занятий не обнаруживает никакой привлекательности. Подлинно научный подход, как известно, способен превратить скучный и невыразительный объект в сюжет, захватывающий своей сложностью и непредсказуемостью. В значительной степени это относится и к диссертации М. А. Ширинкиной. В самом деле: трудно представить себе менее увлекательный объект исследования, чем письменное творчество исполнительной власти. Между тем работа, по формулировке диссертанта, посвящена не просто описанию этого творчества, но «исследованию речетекстового континуума, отражающего **функциональную целесообразность** <...> в сфере современной российской исполнительной власти» (с. 4. П/ж шрифт мой. — М. Д.), то есть тому, что, с одной стороны, есть, а с другой стороны — неизвестно, есть или нет: континуум текстов существует, а вот его функциональная целесообразность — величина отнюдь не очевидная. Последнее особенно ясно обнаруживается на фоне наиболее традиционного для Пермской школы функциональной стилистики объекта — научного стиля¹. Тем бесспорнее заслуга соискателя, не только поставившего перед собой цель решить, казалось бы, неразрешимую проблему, но и достигшего этой цели.

Актуальность избранной диссертантом темы неоспорима, хотя соответствующая формулировка может быть предметом дискуссии. С моей точки зрения, актуальность заключается прежде всего в том, что, как пишет сама М. А. Ширинкина, «назрела необходимость охарактеризовать внутривидовую и внешнюю речевую коммуникацию исполнительной власти как сложное внутри- и межстилевое явление, имеющее собственную систему жанров» (с. 6), чего до сих пор никем не было сделано; ведь отсутствие целостного лингвистического описания этого феномена затрудняет его осмысление и в юриспруденции, и в политологии и социологии, и в документоведении и так называемой документной лингвистике. Что же касается «объединения различных лингвистических исследований дискурса исполнительной власти в рамках целостного направления, с разработкой единого понятийно-категориального аппарата и общей методологии» (с. 6), необходимостью которого диссертант мотивирует актуальность, то это, скорее, одна из сложнейших задач исследования, и фраза о ее решении справедливо включена в формулировку его теоретической значимости на с. 14.

Гипотеза исследования (с. 7) сформулирована вполне логично, если не считать одного момента. Для того, чтобы гипотезу можно было признать полностью подтвердившейся, диссертанту или следовало показать (а еще лучше — доказать) «целостность системы жанров» письменного дискурса исполнительной власти, или особо оговорить в выводах и Заключение, что в этой части гипотеза подтвердилась лишь частично. Было бы уместно и пояснить, что, собственно, понимается под целостностью некоторой системы жанров (последняя утверждается, но не поясняется в § 1.3.1. Общее жанровое структурирование дискурса, с. 59–77). Ясно, что говорить об абсолютной целостности системы жанров применительно к какому бы то ни было функциональному стилю или подстилю невозможно. Однако жанровая система, скажем, собственно научного подстиля

¹ Об ориентации Пермской школы «прежде всего на изучение научной речи» см.: Баженова Е. А., Котюрова М. П. Пермская научная школа функциональной стилистики // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2016. Вып. 2 (34). С. 143.

представляется действительно целостной и фактически закрытой: трудно представить себе появление в обозримом будущем каких-нибудь новых жанров в дополнение к существующим — статье, монографии, диссертации, научному комментарию, отчету и т.д. (не считая их поджанров, а также вторичных жанров вроде реферата или аннотации). Думается, что о целостности жанровой системы можно говорить в том случае, если 1) установлены принципы устройства этой системы, прежде всего — совокупность ее функций; 2) поддаются исчислению элементы этой системы (в данном случае — жанры); 3) показано, что пустующих системно предусмотренных мест нет, то есть все эти места заполнены. Если принять это представление, то закрытость (хотя бы относительная) жанровой системы окажется обязательным условием ее целостности.

В письменном же дискурсе исполнительной власти (далее — ПДИВ) выделяется сектор, о котором диссертант пишет: «Полное лингвотекстовое описание PR-текстов как жанрового типа в рамках нашей работы не представляется возможным уже в силу ограниченности ее объема, но главное — по причине недостаточной выделенности многих жанров этой сферы, размытости жанровых границ, отсутствия детального описания отдельных **новых жанров** интернет-дискурса власти» (с. 320. П/ж шрифт мой. — М. Д.). И действительно, не только не существует, но и не может существовать ни полного описания жанровой системы этого сектора, ни хотя бы списка его базовых жанров, если само понимание жанра настолько размыто, что, скажем, короткое сообщение в Twitter's характеризуется как «новый жанр, которого нет в письменной деловой коммуникации, как нет и на официальном сайте, — **твит** — очень короткий текст констатирующего и/или оценочного характера» (с. 316. П/ж шрифт автора. — М. Д.), — в то время как оснований для квалификации этого явления как нового жанра явно недостаточно. Диссертант не пользуется в данном случае понятием поджанра (жанровой разновидности), хотя именно здесь это было бы более чем уместно, — и тем самым подрывает основы собственных утверждений и выводов: ведь если появление некоторого нового формата интернет-коммуникации и вытеснение им некоторых предшествующих (чего, как показали последние десятилетия, можно ожидать в любой момент) может означать появление нового жанра, то ни о какой закрытости, а следовательно — и целостности жанровой системы говорить не приходится. Между тем достаточно было опереться на понятие поджанра, особо оговорив, что поджанры могут появляться в силу формирования новых форматов коммуникации, модификации функций базовых жанров, не нарушая целостности существующей системы, — и важный тезис о целостности жанровой системы ПДИВ не оказался бы столь легко опровергаемым материалом самой диссертации. К сожалению, даже понятие поджанра или аналогичное ему в указанном § 1.3.1 не упоминается.

С этим связаны и сомнения в целесообразности выделения не только жанра твита, но и жанров графических продуктов, видеопродуктов и аудиопродуктов в рамках PR-текстов как группы жанров дискурса исполнительной власти (с. 76; характерно, что из названия рис. 1 «Жанровые типы дискурса исполнительной власти», на котором представлен принципиальный для всей работы результат моделирования системы жанров ПДИВ, неизвестным образом исчезло прилагательное *письменный*, хотя в названии диссертации оно фигурирует).

Недостаточная ясность в трактовке понятия жанра проявляется и в главе III. Безусловной поддержки заслуживает попытка представить каждый выделяемый жанр таким образом, чтобы его специфика отражалась уникальным набором дифференциальных признаков, подобно тому как индивидуальность каждой лексемы демонстрируется компонентным анализом, идея которого, в свою очередь, восходит к фонологической концепции Н. С. Трубецкого. Но изучение табл. 4 «Представленность микросубполей тональности в информационных жанрах исполнительной власти» (с. 205) не позволяет уяснить, в чем различие между извещением, заключением и сообщением (со всеми его разновидностями), поскольку наборы признаков у них идентичны, а у двух первых жанров и количества плюсов, отражающих частотность составляющих тональности в текстах,

совпадают. Возможно, для получения искомого результата диссертанту следует в дальнейших исследованиях расширить круг признаков, по которым сопоставляются жанры.

Возвращаясь к общей характеристике работы, подчеркну, что ее цель достигнута. Конкретные задачи, логично вытекающие из поставленной цели, успешно решены, а положения, вынесенные на защиту, принципиальных возражений не вызывают. Можно лишь заметить, что формулирование вынесенного на защиту положения в пропозитивных терминах («Коммуникативной единицей эпистолярного жанрового типа в дискурсе исполнительной власти **предлагается** считать...» — с. 17) представляется, мягко говоря, неожиданным решением, так как *предложение* и *положение* — совершенно различные понятия, за которыми стоят разные речевые действия.

Теоретическая позиция автора, с моей точки зрения, заслуживает полной поддержки (что, впрочем, не отменяет возможности некоторой коррекции). Она убедительно мотивирована содержательным анализом существующих концепций текста и дискурса, функционального стиля и жанра, принципов типологизации жанров, категорий текста и др. Опора на функциональное начало позволяет автору выстроить как прочный фундамент типологии жанров письменного дискурса исполнительной власти, так и логичную, выверенную исследовательскую процедуру анализа каждой группы жанров. Деление документного континуума на 4 группы жанров (предписательных, информационных, эпистолярных и PR) представляется адекватным решением, которое и отражает реально существующую картину, и предопределяет всю структуру работы. Таким образом, все предпосылки, необходимые для признания диссертации соответствующей требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям, имеются.

Особо следует остановиться на решениях, которые представляются несомненными удачами автора. Одно из таких решений — созданная автором (с опорой на работы предшественников и учителей) модель категориально-текстового анализа жанровых форм (с. 77–90). Исследовательская логика, положенная в основу этой модели, безупречна: действительно, если определить текстовые категории, играющие ведущую роль в формировании специфики жанров в пределах некоторой жанровой системы, то открывается перспектива сравнительно компактного и информативно достаточного описания каждого жанра. Именно это, собственно, и реализовано в диссертации. Правда, при этом возникает одно пожелание. В работе развернуто мотивирован выбор категорий тональности, темы и композиции (с. 77–90) в качестве «релевантных» «для ядерных жанров дискурса исполнительной власти» (с. 86); однако сделано это без мотивировки отклонения в качестве менее релевантных всевозможных других категорий. Логика следующая: для ПДИВ характерны такие-то особенности, поэтому особенно важна такая-то категория. Почему не столь важны все категории, оставленные «за бортом», — не объясняется. В итоге вопрос, какова процедура выделения релевантных для поставленной цели категорий и отсекающих нерелевантных, каковы критерии, лежащие в основе этой процедуры, остается проясненным не до конца. Между тем вполне можно предположить, например, что если рассмотреть жанры ПДИВ с точки зрения реализации в них хотя бы категории связности, то результат будет ненулевым, поскольку связность в тексте приказа и, скажем, отчета имеет разную степень плотности (понятие В. А. Шаймиева), нетождественные средства выражения (в приказе местоименные замены маловероятны) и т. д. В отсутствие предельно ясной процедуры, с абсолютно прозрачными критериями отбора, результат исследования оказывается не лишен зависимости от интуиции исследователя, а она бывает разной, и потому в случае удачи, если «повезёт», открывается возможность для сближения исследования с произведением искусства, но в случае неудачи на выходе — ошибки и неадекватные выводы. Ясно, что методология исследования должна быть выстроена так, чтобы столь широкий диапазон возможных результатов был исключен. Хотелось бы пожелать диссертанту в дальнейших исследованиях дать развернутый ответ на этот непростой вопрос.

Как и положено интересной и, главное, сложной по замыслу и материалу работе, диссертация М. А. Ширинкиной вызывает множество вопросов, иногда — сомнений и замечаний.

1. Не всегда безупречна логика рассуждений автора.

1.1. На с. 23, например, диссертант пишет: «Так как система права выражает общие правила поведения людей, она обладает отвлеченно-обобщенным характером. Из этого вытекают цели и задачи общения в праве: выразить волю государства, его интересы, предписать субъектам права нормы общественного поведения». Неясно, как цели и задачи общения в праве могут вытекать из отвлеченного характера системы права.

1.2. На с. 177, доказывая, что сема 'носитель сообщения' «является основным семантическим признаком в структуре значения» лексем *листовка* и *памятка*, автор указывает на то, что листовка и памятка «всегда оформлены в виде отдельного листа» (что верно по отношению к листовке, но неверно по отношению к памятке, которая может быть выполнена и в виде буклета или небольшой книжечки), и ссылается на словарное толкование значения слова *листок*: «2. Бланк для официальных записей». Бланк для официальных записей, конечно, является потенциальным носителем сообщения, то есть предназначен для того, чтобы стать таким носителем, но ни листовка, ни памятка не являются листками в значении 'бланк для официальных записей', поэтому метонимический путь доказательства, избранный автором, нельзя признать корректным. С тем же успехом можно доказывать, что, скажем, Новосибирск расположен на территории Китая, потому что рейсы из Москвы в Пекин делают промежуточную посадку именно в Новосибирске.

1.3. На протяжении II главы, касаясь вопроса о входящем в поле тональности субполе эмоциональности, автор неизменно констатирует, что оно «в регламентирующих текстах наименее значимо» (с. 128); «чрезвычайно бедно» (с. 120), «имеет редуцированный характер» (с. 165); что для регламентирующих документов характерны «бесстрастный, выдержанный тон» (с. 128), «безэмоциональность» (с. 121), индивидуальные экспрессивно-эмоциональные оттенки не выражаются (с. 148). В реальности все эти эвфемизмы (*наименее значимо, чрезвычайно бедно, редуцированный характер*) означают, что субполе эмоциональности в рассматриваемых текстах представлено нулем; ни одного внятного примера реализации эмоциональности в тексте главы нет. Видимо, отдавая себе отчет в неубедительности приведенных характеристик, не доказываемых материалом, а может быть — по каким-то другим причинам автор, перейдя в гл. III к информационным жанрам, неожиданно начинает использовать понятие *имплицитной представленности эмоциональной оценки* и, соответственно, *микросубполя имплицитной эмоциональной оценки* (с. 202), а еще ниже пишет: «Проблемы соотношения имплицитной и эксплицитной эмоциональной оценки в информационных жанрах были нами лишь обозначены, они не получили детальной проработки. Проблема эмоциональности деловых текстов требует специального анализа и может стать предметом самостоятельного исследования в будущем» (с. 206–207). Однако в реальности даже обозначения такой *проблемы* в тексте работы нет, выше ни словом не упоминалось даже о ее существовании, наличие в каком бы то ни было из анализируемых текстов имплицитной эмоциональности не было показано — и доказано! — ни на одном примере, поэтому утверждение, будто «проблема была обозначена», не соответствует действительности и вызывает недоумение. Нет и оснований включать утверждения о наличии имплицитной эмоциональной оценки не только в текст, но и в табл. 4 «Представленность микросубполей тональности в информационных жанрах исполнительной власти» (с. 205), суммирующую результаты исследования текстов информационных жанров.

Возникает вопрос: почему автор столь настойчиво утверждает наличие эмоциональности там, где ее нет и не должно быть? Возможно, причина заключается в установке, возникшей как результат возведения в абсолют положений, высказанных предшественниками: коль скоро есть категория тональности, обязательно должна быть и эмоциональность. Возможно, причина — в размытости трактовки эмоциональности как

таковой: на протяжении работы недифференцированно, как синонимичные, употребляются термины *эмоциональность*, *эмотивность*, *оценочность*, *экспрессивность*, хотя за ними стоят разные понятия (ср., например, с. 120–121, 166 и др.). Отсюда, по-видимому, и приписывание языковым средствам свойств, которыми они не обладают. Например, на с. 120, характеризуя СП интенсивности в директивных документах, диссертант пишет: «Усилительно-экспрессивные лексемы употребляются в констатирующих частях документов и выполняют функцию обоснования, мотивировки волеизъявления: *В целях совершенствования государственной наградной системы Российской Федерации постановляю; В целях обеспечения источниками финансирования расходов федерального бюджета, увеличения сбора налогов и платежей в доход федерального бюджета, снижения общей суммы взаимной задолженности организаций и нормализации*» (п/ж шрифт автора. — М. Д.). Откуда берется характеристика выделенных единиц как усилительно-экспрессивных? Можно полагать, что сема интенсификации некоторого качества в их лексическом значении содержится, но это еще не дает основания для их включения в группу усилительных. Д. Н. Шмелев еще в 1964 г., в монографии «Слово и образ» (М.: Наука, 1964), указывал на то, что собственное усилительное значение слова может существовать только на основе соотносительности с соответствующими нейтральными словами (напр.: *большой* — *громадный* — *огромный* — *гигантский*; *маленький* — *малюсенький* — *крохотный* и т. п.). Другими словами: для того, чтобы квалифицировать лексику как усилительную, необходимо поставить ей в соответствие другую лексику, семантическая структура которой отличается от первой только отсутствием усилительной семы. Для лексем *совершенствование*, *увеличение*, *снижение*, *нормализация* это невозможно. Следовательно, квалификация их как усилительных произвольна и не соответствует действительности. Что же касается утверждения об их мнимой экспрессивности, то всерьез заниматься его опровержением представляется даже избыточным. Ведь «функционирование экспрессивных слов связано с актуализацией... субъективно-оценочных сем, и последние не только не дополнительные по отношению к понятийно-логической семантике, но являются ядерными, ведущими компонентами значения экспрессивных слов»². Очевидно, что попытки обнаружить субъективно-оценочные семы, тем более в качестве ядерных, в структуре значений слов типа *совершенствование* или *нормализация* обречены на неудачу.

Если учесть, что подобные произвольные характеристики языковых средств в диссертации отнюдь не редкость, то становится понятным, каким образом автор усматривает и эмоциональность там, где ее попросту нет. Но логика таких усмотрений представляется некорректной.

2. **Понятийный аппарат** исследования неоднороден с хронологической точки зрения. Применительно к проблемам жанроведения, функциональной стилистики он вполне современен; но этого не скажешь о понятиях из других областей.

2.1. Говоря о диалектике воли и права, автор приводит цитату: право понимается как «воля господствующего класса, санкционированная государством и возведенная в закон» (с. 24). Можно подумать, что автор исследует ПДИВ советских времен, или что в действующей Конституции РФ закреплено представление о классовой структуре российского общества и о наличии в ней господствующего класса. Явный анахронизм объясняется тем, что работа, из которой приведена цитата, датирована 1960 г.; а подкрепляется цитата ссылкой еще на одну работу... 1967 г. Более современных работ, в которых отражены актуальные, а не устаревшие представления о праве, по-видимому, не существует?

2.2. На с. 258–259, характеризуя особенности предложений: *Установка бортового камня ... не предусматривалась; На сегодняшний день ограждения ... замены не требуют; Установка новых ... не планируется*, — М. А. Ширинкина пишет: «Во всех этих

² Матвеева Т. В. Экспрессивность русского слова. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. С. 9.

предложениях фразовое ударение падает на сказуемое, которое намеренно вынесено... в конец предложения». Во-первых, здесь уместнее всего было бы воспользоваться аппаратом теории актуального членения, поскольку речь идет о реме и ее акцентоносителе. Во-вторых, коль скоро речь идет о целом фрагменте текста, уместно было бы опереться и на теорию ССЦ — или хотя бы на введенное Г. А. Золотовой понятие рематической доминанты текстового фрагмента, — в особенности учитывая тот факт, что в работе декларируется опора на лингвистику текста. Описательная же характеристика явления, которое уже давно получило научное осмысление и четко терминовано, создает впечатление, будто это написано не в 2020 г., а примерно в середине прошлого века.

2.3. В диссертации неоднократно встречаются рассуждения, подобные следующему: «На главной странице сайта в левом верхнем углу... располагается официальное название органа исполнительной власти (*Правительство РФ; Министерство здравоохранения РФ; Министерство науки и образования Пермского края*), которое, являясь базовой номинацией субъекта речи, задает субъектную тему для всего электронного сверткста» (с. 288). Если внимательнее приглядеться к официальным названиям, то станет ясно, что ими задается не только субъектная тема, но целый фрейм, полностью охватывающий все функции соответствующего органа власти, а следовательно — и весь спектр тем, связанных с этими функциями. Именно фреймовый подход, уже довольно давно разработанный в когнитивной лингвистике, мог бы существенно углубить как осмысление, так и анализ тематической структуры документов исполнительной власти. Остается сожалеть о том, что диссертант не использовал инструмента с доказанной эффективностью и попытался решить проблему своим путем, составляя «схемы» вида:

«А б в г д е ж з и к л м н н о п р с т у ф х ц ч ш ч ш щ ь ы ь ъ» (с. 209, «тематическая цепочка памятки»), — наглядность и информативность которых равна нулю. Для того, чтобы такая схема была хотя бы минимально информативной и демонстрировала единство темы, следовало обозначать разные конкретизаторы одной и той же микротемы не разными буквами, а одной и той же буквой с разными индексами, что в лингвистике текста тоже давно разработано и апробировано...

2.4. К недоумениям этого рода примыкают сомнения, вызываемые пояснениями вроде следующих: «для удобства автор текста вводит инициальную аббревиатуру (образуемую из начальных букв каждого слова в наименовании)» (с. 231); «нулевые номинации, не выраженные материально» (там же). Автоматически возникают вопросы: исходит ли автор из того, что инициальные аббревиатуры могут образовываться не из начальных букв каждого слова, а нулевые номинации могут быть выражены материально? Или адресат, которого мыслит автор, не специалист (что принято для диссертаций), а студент техникума, будущий документовед, которому нужно пояснять, что такое инициальная аббревиатура и нулевая номинация?

3. В ряде случаев оставляет желать лучшего **точность речи, корректность** номинаций и лингвистических квалификаций тсх или иных явлений. Начну с точности речи.

3.1. Характеризуя императивность как черту официально-деловой речи, автор пишет: «Данное свойство реализуется широким употреблением разноуровневых языковых единиц с предписующе-долженствующим значением, что придает речи стилевую окраску долженствования» (с. 24). Глагол *предписывать* относится не к 3-му (*рисовать* — *рисую*), а к 1-му продуктивному классу: не **предписую*, а *предписываю*. Поэтому форманту -у/- в нем просто неоткуда взяться, соответствующая номинация образована некорректно. *Долженствующий* означает 'обязанный что-л. сделать', но глагол *долженствовать*, в отличие от *обязать*, не обладает свойством автоконверсивности: от *обязать* регулярно образуются как *обязавший* (признак субъекта действия по глаголу *обязать*), так и *обязанный* (признак объекта того же действия); *долженствовать* же — непереходный глагол, который обозначает состояние только объекта действия по глаголу *обязать* (*обязанный* и *долженствующий* — синонимы). Поэтому «предписующе-долженствующее значение» — не только некорректная номинация, но и оксюморон, обесмысливающий

выстраиваемую автором характеристику; следовало говорить о *предписывающе-обязывающем* значении. Наконец, выражение *стилевая окраска долженствования* неудачно в том смысле, что долженствование — одно из традиционно выделяемых модальных значений (иначе — дебитивная модальность), поэтому для характеристики стилевой окраски было бы лучше выбрать другой термин (например, *обязывание*).

3.2. Еще примеры некорректных выражений (подчеркивания в примерах мои. — М. Д.):

— «устойчивых словосочетаний (чаще терминированного характера)» (с. 25): терминировать можно понятие, здесь же речь идет о выражениях *терминологического* (или, если желательно подчеркнуть отсутствие у них подлинного статуса терминов, — *терминологичного*) характера;

— «Сказанное позволяет дать определение предложенного термина» (с. 40): определяют не термин, а обозначаемое им понятие;

— «В качестве общих параметральных признаков дискурса...» (с. 33): термин *параметральный*, паронимичный термину *параметрический*, закреплен за медицинским дискурсом и входит в ряд устойчивых номинаций (между прочим, с крайне неприятным для пациента значением); в других дискурсах, в том числе и в лингвистическом, принят второй член этой пары;

— «наряду с собственно деловыми текстами специалистам исполнительной власти приходится составлять и стилистически гибридные речевые продукты» (с. 39): *составлять речевой продукт* — явно неудачное выражение;

— «о делении власти на три ветви: законодательную, юрисдикционную и исполнительную» (с. 31): непонятно, почему судебная власть именуется юрисдикционной, хотя понятие юрисдикции отнюдь не синонимично понятию суда;

— «Каждая из категорий (текста. — М. Д.) представляет собой знаковый компонент общетекстового содержания» (с. 60): неясно, в каком смысле употреблено прилагательное *знаковый*;

— «основной конструктивный принцип официально-делового стиля — долженствование» (с. 77): совершенно непонятно, как долженствование может быть конструктивным принципом;

— «Субполе *интенсивности* выявляется на том же языковом лексическом материале, оно носит суперсегментный характер» (с. 122): если исходить из принятой в лингвистике терминологии, то непонятно, какой смысл вкладывается в данном случае в определение *суперсегментный*;

— «обязывание обозначает наложение на адресата необходимого выполнения определенных действий» (с. 106): *наложить выполнение* нельзя.

Этот перечень можно продолжить, но и приведенных примеров вполне достаточно. Невозможно, пожалуй, не привести лишь еще один пример: «песни патриотической и краеведческой направленности» (с. 312). Очень хотелось бы узнать, что это за песни «краеведческой направленности».

3.3. Не всегда удовлетворительны авторские суждения историко-лингвистического характера. На с. 61 М. А. Ширинкина пишет: «Дифференциация понятий *текст* и *дискурс* начата в 70-е годы XX века. Ранее в европейской лингвистике эти понятия были почти взаимозаменяемыми». Это неверно: во франкоязычной лингвистике, например, термин *дискурс* столетиями использовался в значении '(связная) речь', но ни в коем случае не в значении 'текст'.

На с. 78 читаем: «Текстовые категории многие годы привлекают исследовательский интерес лингвистов», после чего следует длинная «обойма» имен с датами выхода работ, и первым указан И. Р. Гальперин с его знаменитой монографией 1981 г. Казалось бы, все верно. Но следует отдавать себе отчет в том, что И. Р. Гальперину здесь принадлежит приоритет: именно он предложил и само понятие (его статьи об этом датированы 1977–1979 гг.), и опыт его первичной разработки. Поэтому имело бы смысл не помещать его имя в «обойму», а уделить его концепции особый абзац, приведя набор предложенных и подробно

охарактеризованных им категорий, особо оговорив, что он называл их «грамматическими категориями текста», обсудив их грамматический / неграмматический статус и подчеркнув, что все дальнейшие опыты осмысления категорий текста восходят к этой концепции и во многом опираются на нее.

4. Представляется не всегда достаточной степень обоснованности и убедительности обобщений. На с. 96, например, читаем: «жанрообозначения предписательного класса текстов в лексико-семантическом отношении очень близки, их понятийное ядро можно считать тождественным». Формулировка этого тождественного понятийного ядра, однако, отсутствует, хотя ее как раз хотелось бы видеть, поскольку утверждаемое (но не доказываемое) тождество не представляется очевидным. Например, распоряжение направлено «на организацию какой-либо стороны деятельности», а решение, постановление, если исходить из приведенных выше определений, на что-либо подобное не направлены. Получается, что указ, приказ и распоряжение имеют общее понятийное ядро (и то если принять, что установление «норм поведения» и «организация какой-либо стороны деятельности» в принципе тождественны (?)), а решение и постановление такого ядра не имеют. Соответственно, и следующий тезис, вытекающий из приведенного, оказывается под вопросом.

5. Не всегда удовлетворительны **точность и полнота анализа**.

5.1. На с. 97 читаем: «Отдельного внимания требует лексема-жанрообозначение **директива**, внутренняя форма которой подчеркивает не процессуальность, а персонификацию деловой деятельности (*директива* < *директор*)». Неверно утверждение о мотивированности слова *директива* словом *директор*. Оба заимствованы русским языком в готовом виде (согласно словарям, из французского), восходят к общему латинскому корню и отношением непосредственной мотивации не связаны: это, образно говоря, двоюродные братья. Эта ошибка делает дальнейшие рассуждения автора о «персонификации деловой деятельности» и «возвращении... в круг жанрообозначений с семьей процессуальности» избыточными, а утверждение, будто семантический признак иерархичности содержится в корне слова, опирающееся на ту же ошибочную мотивацию, — неверным. В корне слова есть лишь исконное значение 'прямой', сохранившееся в современных европейских языках (*direct object*, *direct speech*), но в то же время развившее производное значение определения направления движения, как раз и закрепленное как в *директиве*, так и в *директоре*. Остается утешаться тем, что существенного влияния на принципиальные результаты исследования эта ошибка не оказывает.

5.2. В некоторых случаях диссертант недостаточно критичен к собственным наблюдениям, в результате чего частное без должного основания возводится в статус общего. Например, о жанре правил говорится: «здесь важно наличие нескольких (многих) положений, в расположении которых важна категория последовательности, определяющая очередность их применения» (с. 102). Это верно по отношению лишь к части документов в жанре правил, но в таких документах, как правила внутреннего распорядка, правила пользования метрополитеном и т.п., категория последовательности не играет никакой роли.

Разбирая в качестве примера текст указа губернатора Пермского края, в котором речь идет об упразднении одного министерства и передаче его функций другому с попутным переименованием последнего, автор пишет: «наблюдаем сочетание нескольких инфинитивов глаголов совершенного вида, который, по утверждению А.В. Бондарко, реализует в тексте значение последовательности результативных целостных действий [Бондарко 1971: 16]: действия, перечисленные в пунктах указа Губернатора Пермского края, следует выполнить в том порядке, который представлен в документе» (с. 131). Между тем порядок действий (в значении их последовательности во времени) здесь как раз отсутствует. В реальности речь идет об одном комплексном действии, компоненты которого совершаются одновременно: и упразднение, и переименование, и передача. Если представить себе, что эти действия в самом деле совершаются последовательно, в особенности с интервалом, скажем, в неделю, то станет ясно, что это абсурд. Можно говорить только о порядке

называния в тексте составляющих комплексного действия, который отражает не временную, а логическую последовательность, в которой упразднение является исходным пунктом, мотивирующим называемые далее действия. Ссылка же на А. В. Бондарко здесь совершенно неуместна: во-первых, потому, что «последовательности результативных целостных действий» на самом деле нет; во-вторых, потому, что А. В. Бондарко опирался или на примеры из художественных текстов, или на сочиненные примеры, по стилю и тональности близкие к первым, материалом же официально-делового стиля не пользовался никогда, а потому применимость его выводов к такому материалу сомнительна и в любом случае требует развернутого обоснования, что может составить тему отдельной работы. Аналогичным образом, не выдерживает критики и пассаж об экспликации семантики одновременности в регламентирующем документе с инфинитивами НСВ (на той же с. 131): на самом деле в документе речь идет о выполнении действий в течение оговоренного периода, причем в разное время внутри этого периода: отчет должен представляться ежегодно до 1 марта, а, например, информация об изменении названия — за 3 месяца до этого изменения. Какая же это одновременность?

Некорректность утверждений о последовательности или одновременности действий, предписываемых регламентирующими документами, влечет за собой и неполную достоверность выводов. На с. 138 диссертант пишет: «значительный (по сравнению с директивными жанрами) объем текста регламентирующего документа и акцент на соблюдении последовательности предписываемых действий в целом создает другую тональность документа». Как уже показано, ни последовательности действий, ни, тем более, акцента на ней в проанализированном документе нет (а других примеров и не приведено). Вообще, категория таксиса (прежде всего — оппозиция последовательности vs. одновременности действий) актуальна в повествовании: именно там она значима, потому что ядром повествования и являются действия, так или иначе расположенные на временной оси, и от характера этого расположения в повествовании многое зависит. В регламентирующем жанровом подтипе ОДС этой оппозиции просто не может быть, потому что в нем нет повествования. В тексте инструкции (например, по использованию стиральной машины) последовательность действий актуальна, но даже там таксиса нет, а есть пункты, в каждом из которых описывается следующее действие. При необходимости совершить два действия одновременно или строго последовательно это специально оговаривается, т.к. использования видо-временных форм, характерного для повествования, в данном случае для выражения последовательности или одновременности недостаточно.

А раз ни последовательности предписываемых действий, ни акцента на ней нет, то получается, что «другая тональность» текста регламентирующего документа опирается только на его объем...

5.3. Во Введении в качестве одного из методов исследования назван компонентный анализ (с. 10), который систематически упоминается и в основном тексте диссертации. Однако ни одного примера полного компонентного анализа в работе нет: иногда приводятся его фрагменты, иногда же просто сообщается, что он предшествовал излагаемым выводам (с. 119–120, 175 и др.). Между тем в целом ряде случаев экспликация аналитической процедуры была бы более чем уместна, поскольку семантизация языковых средств часто вызывает недоумение. Например, на с. 106 читаем: «Глагол *постановляет* с семантикой долженствования, обязательности, находясь в препозиции, распространяет свое влияние...». Откуда берется утверждение, будто глагол *постановлять* имеет «семантику долженствования, обязательности», — неясно. Ни в одном толковом словаре указаний на эту семантику не содержится — может быть, поэтому и в тексте диссертации не приводятся ссылок на словарные толкования, послужившие основанием для такой семантизации. На самом же деле обязательность и вытекающее из нее долженствование — это не компоненты лексического значения данного глагола, а стандартные инференции из этого значения, автоматически возникающие при употреблении этого глагола в текстах рассматриваемого типа. **Инкорпорирование стандартных инференций в**

семантическую структуру рассматриваемых лексем встречается в диссертации часто: с. 112 (сема долженствования без всяких обоснований приписывается словам *руководство, управление, координация, контроль, полномочия*), с. 113 (то же — по отношению к словам *утверждение, прекращение*), с. 119–120 (сема усиления приписывается словам *урегулирование, нормализация, оздоровление, совершенствование*), с. 130 («форма настоящего времени глагола [*осуществляется*. — М. Д.] буквально означает 'должно осуществляться'» — ?!), с. 141 (словам *принципы* и *этапы* приписывается функция «усиления категоричности предписания»; интересно, в названии книги Г. Пауля «Принципы истории языка» или в строчке из песни «этапы большого пути» автор тоже усматривает категоричность?) и др. Характерен следующий контекст: «В целом семный состав перечисленных лексем — жанровых наименований выглядит следующим образом...» (с. 175). Как и в других случаях, хотелось бы видеть не обобщение на основе фигуры умолчания, а конкретный анализ каждой лексемы в отдельности, потому что методика «компонентного анализа», который диссертант последовательно заменяет фигурой умолчания, неясна. Каким образом, на основании какой процедуры делается вывод, например, о наличии у того или иного наименования семы *процессуальности*? Или любой другой? Что это за сема — *содержательность*?

Остается добавить, что в целях экономии места перечислены далеко не все замечания этого рода.

5.4. Вызывают возражения некоторые квалификации языковых явлений. Диссертант последовательно именует изолированные формы именительного падежа, используемые в качестве названий и реквизитов документов (дата, место, подпись), рубрик сайтов, назывными предложениями (с. 116, 136, 291), ошибочно полагая, будто все, что написано с прописной буквы, является предложением. То же касается интерпретаций обозначений темы документа и др. как констатаций. Констатировать можно факт, некоторое положение дел, в то время как обозначение темы, указание места или заголовков не являются ни тем, ни другим.

На с. 151–152 читаем: «Во всех остальных жанрах (положение о порядке, порядок, правила, инструкция, регламент) употребляются глаголы несовершенного вида в конкретно-процессуальном значении, называющие частные конкретные действия, определенная последовательность которых составляет целостный, разворачивающийся во времени, предписываемый документом процесс: *Медаль вручается награжденным, как правило, по месту их включения в список награжденных. Вместе с медалью... вручается удостоверение... в списке награжденных делается соответствующая запись*». Во-первых, значение принято называть конкретно-процессным, а не *-процессуальным; во-вторых, это значение наблюдается, когда глагол описывает единичный конкретный процесс (*Маша сейчас обедает*). В данном же случае значение можно характеризовать или как неограниченно-кратное (если исходить из неограниченной повторяемости предписываемых действий, а также из весьма сомнительного представления, будто любые употребления глаголов НСВ должны "вписываться" в систему 7 частновидовых значений НСВ), или как особое значение, присущее официально-деловому стилю (которым А. В. Бондарко, повторяю, не занимался: он работал с материалом не прескриптивных, а дескриптивных текстов), совмещающее признаки неограниченной кратности и прескриптивности. И выше, и ниже автор пользуется обозначением «настоящее предписания», которого, на мой взгляд, вполне достаточно.

Высказанные сомнения и замечания, безусловно, снижают, и значительно, общее впечатление от знакомства с диссертацией М. А. Ширинкиной. Однако можно с достаточным, на мой взгляд, основанием утверждать, что они не отменяют ни общего вывода об убедительности базовой концепции, реализованной в исследовании, ни констатации того факта, что цель исследования достигнута, задачи решены, а гипотеза в целом подтверждена. Исходя из этого, можно подытожить: диссертация М. А. Ширинкиной соответствует критериям п. 9 «Положения о порядке присуждения

ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации № 842 от 24.09.2013 (в редакции постановления Правительства № 335 от 21.04.2016), а ее автор заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.01 — русский язык.

Доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского языка
РГПУ им. А. И. Герцена

 М. Я. Дымарский

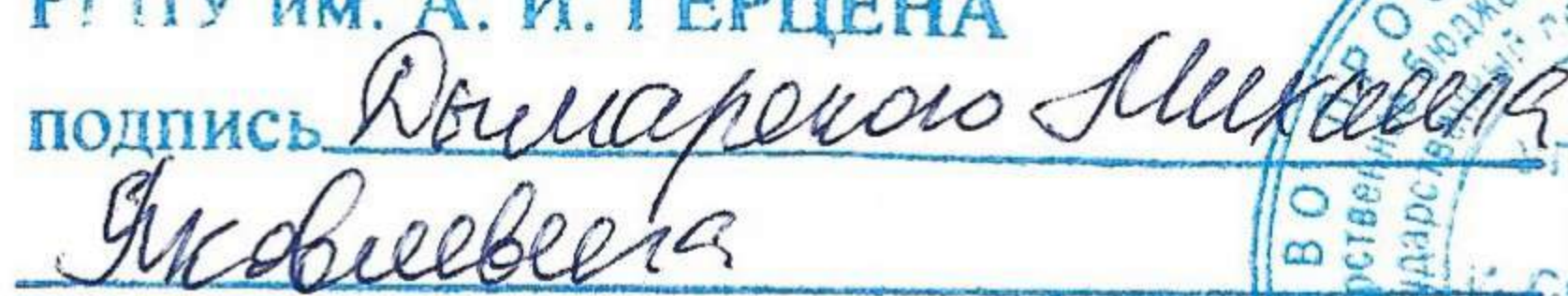
Докторская диссертация по специальности
Кандидатская диссертация по специальности

10.02.01 — русский язык;
10.02.01 — русский язык.

29 мая 2021 г.

РГПУ им. А. И. ГЕРЦЕНА

подпись

удостоверяю «06» 06

2021 года

Отдел персонала и социальной работы

управления кадров и социальной работы

Ведущий специалист по кадрам
отдела персонала и социальной
работы

